

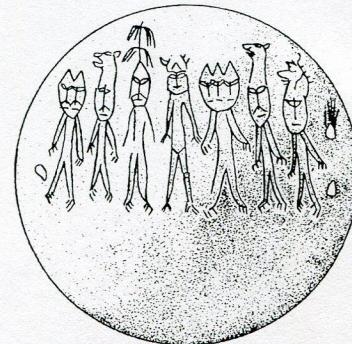
Департамент культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Служба главного государственного инспектора по охране
и использованию историко-культурного наследия

5-1

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ **В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО**

ВЫПУСК 5

Издательство Томского университета
Томск - Ханты-Мансийск
2007

**Стефан Соммье: невостребованное наследие.
Евгений Колосов: утраченное наследие**

Е.Е. Колосов
г. Санкт-Петербург
Я.А. Яковлев
г. Ханты-Мансийск

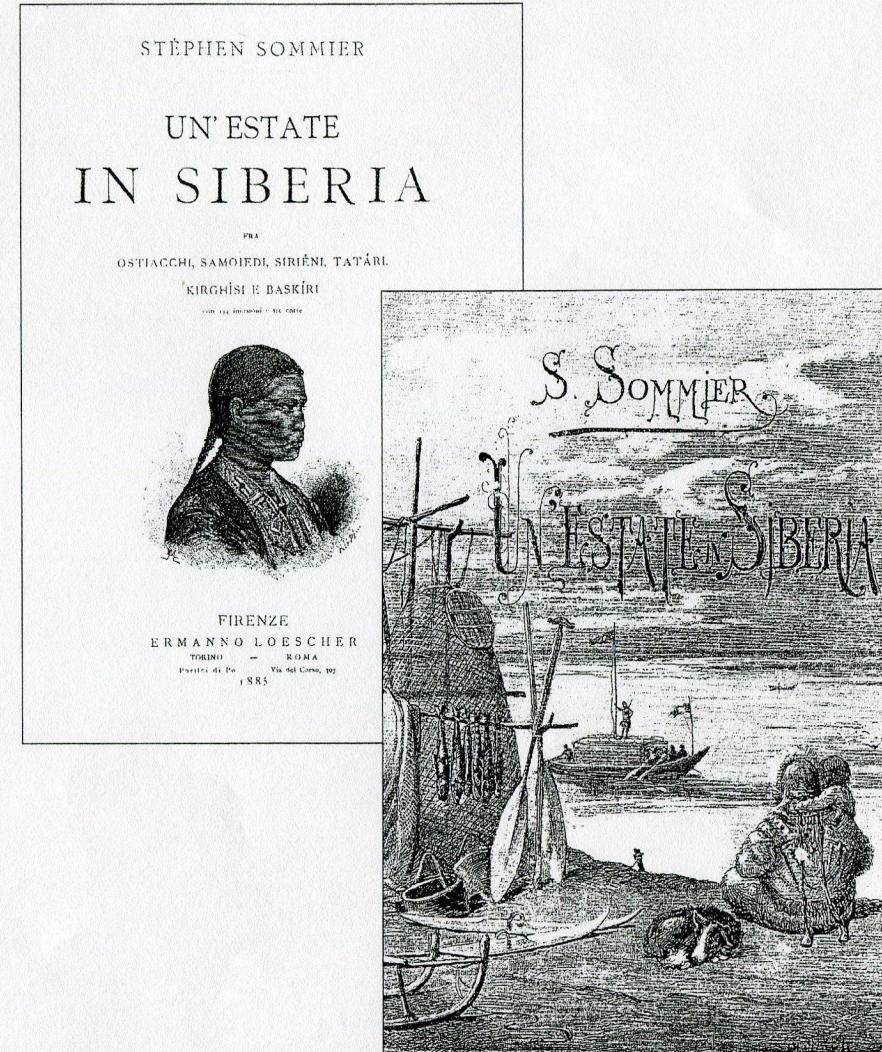
Стефан Соммье (05.1848. – 01.1922.) – известный итальянский ботаник, этнограф, антрополог. Южанин по происхождению (а родился он во Флоренции, во французской семье), маршруты своих поездок этот учёный-путешественник проложил по высоким широтам Севера: Скандинавии, Уралу, Сибири. По р. Оби (естественно, и по территории нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа – Югры включительно) он прошёл 2750 км. Как было принято в ту эпоху путешествующих энциклопедистов, С. Соммье сначала в своих полевых записях, а затем и в публикациях не ограничивался естественно-научной информацией, а часто и с удовольствием обращался к этнографическим и антропологическим сюжетам. Показательно, что на обложке и титульном листе книги о его сибирской поездке помещены отнюдь не флористические, а этнографические рисунки из жизни ханты (ил. 1). Всего этим исследователем было написано семь книг¹.

Сибирь Соммье посетил в 1880 г. Из Москвы через Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург он попал в Пермь, а затем в Тагил и Тюмень. Оттуда, добравшись до Тобольска, путешественник спустился по Иртышу до Самарова (нынешнего Ханты-Мансийска – ил. 2) и, выйдя на Обь, поплыл по течению на север через Кондинское (сейчас п. Октябрьский – ил. 3) и Берёзов (ил. 4) до Обдорска (современный Салехард – ил. 5). Оттуда, как истинный путешественник, жадный до новых впечатлений, Соммье попытался перевалить Урал по р. Войкар, но безуспешно. Пришлось вернуться в Тобольск по уже пройденному маршруту. Зато уж оттуда в Европу он пошёл иной дорогой, нежели прежде: через Верхнеуральск и Оренбург.

Результаты своей сибирской одиссеи отважный итальянец опубликовал уже через 5 лет в книге: «Un'Estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, siriéni, tatári, kirghísi e baskíri»². Дословно с итальянского это переводится как «Лето в Сибири среди остыаков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир».

Е.Е. Колосов, Я.А. Яковлев

Наверное, для Северной и Средней Европы это издание не стало «окном в Сибирь». Всё-таки к той поре учёный мир и просто образованные европейцы, говорящие на английском, немецком, финском, шведском, венгерском языках, уже смогли почитать труды побывавших в Сибири исследователей: И. Гемелина, А. Гумбольдта, М.А. Кастрена,

Ил. 1. Обложка и титульный лист книги С. Соммье «Un'Estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, siriéni, tatári, kirghísi e baskíri» («Лето в Сибири среди остыаков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир»)

Ил. 2. Самарово. Sommier S. Un'Estate in Siberia... P. 125.

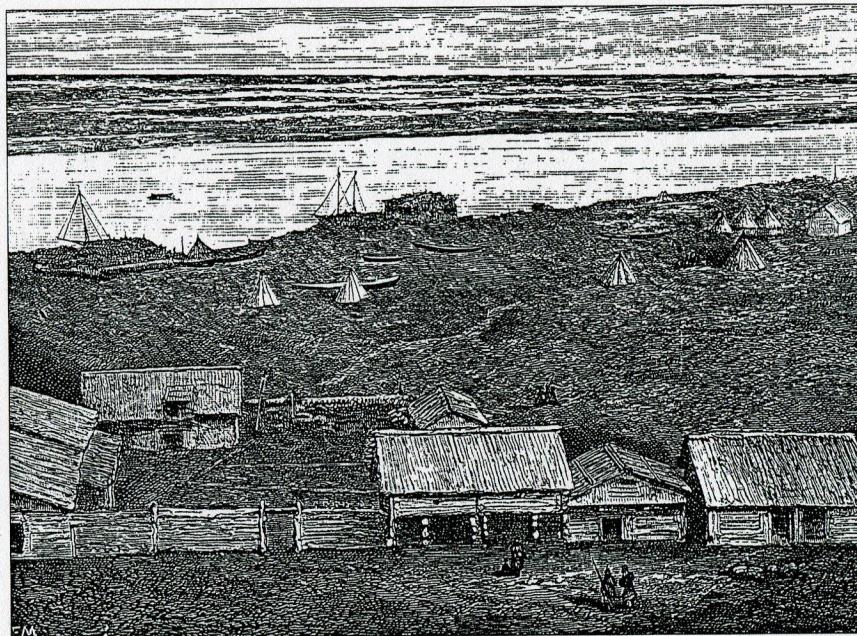
Ил. 3. Кондинский монастырь (из книги А. Алквиста «Среди хантов и манси»). Sommier S. Un'Estate in Siberia... P. 165.

Ил. 4. Панорама Берёзова и ненецкая упряжка (гравюра с акварели М.С. Знаменского). Sommier S. Un'Estate in Siberia... P. 177.

О. Финша и А. Брема и др. И даже французы имели возможность побаловать себя на досуге авантюрным романом Ж. Верна «Мишель Строгофф», опубликованным ровно за 10 лет до сочинения С. Соммье. Пусть тот содержал множество несуразностей в сюжете и исторической канве повествования, но географические и естественнонаучные сведения об Оби и Иртыше, Тюмени и Омске французы почерпнуть всё же могли. А вот для Италии, сыны которой не стремились к покорению высоких широт, труд Соммье безусловно стал первым источником объективных знаний о загадочной северной стране (ил. 6).

Стремление к объективности, помимо прочего, проявилось и в очень корректном подходе автора в подборе иллюстраций. В качестве последних были использованы гравюры с фотографий Е. Маззанти (ил. 7) и работы тобольского художника М.С. Знаменского (ил. 4, 8, 9), который проехал по тому же маршруту от своего города до Обдорска за два десятка лет до итальянца. Последнее очень важно. Практикой европейских исследователей той поры было заказывать иллюстрации к своим сочинениям у европейских же художников, для большинства которых выход на природу ограничивался окрестностями своего города. Основой для таких иллюстраций в лучшем и редком случае служили фотографии, гораздо чаще — спешные полевые зарисовки,

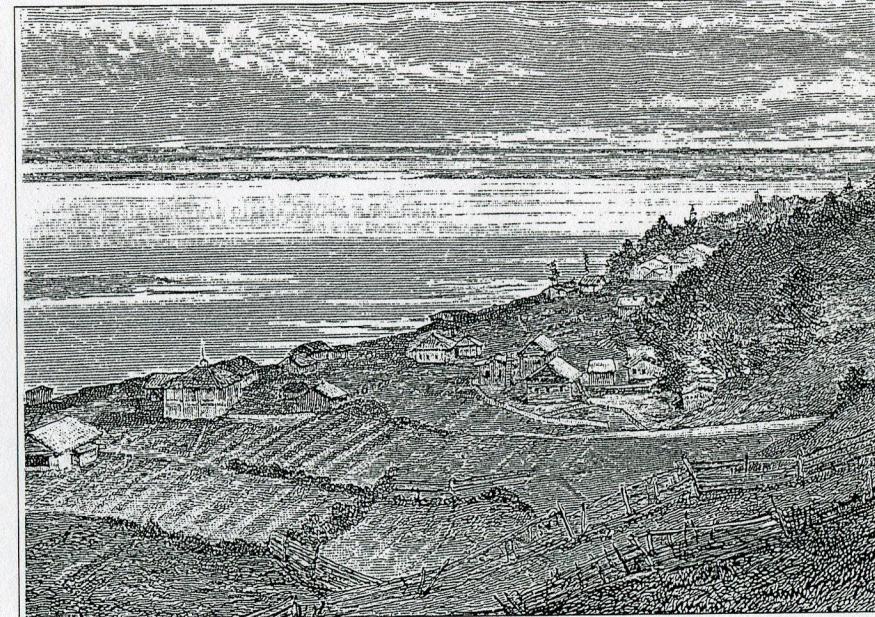
Ил. 5. Обдорск. Устье р. Полуй (гравюра с фотографии Е. Массанти). Sommier S. Un'Estate in Siberia... Р. 271.

а то и просто рассказы автора-путешественника. Вот и появлялись потом в европейских изданиях о Сибири то павлинные перья на меховых одеждах, то баня в три человеческих роста с широченными стрельчатыми окнами, то упряжной олень размером со слона, то медвежьи пляски на фоне театрального занавеса... Изобразительный ряд в книге С. Соммье почти безупречен (если бы автор ограничился работами Е. Массанти и М.С. Знаменского и не включил рисунки из книги А. Алквиста, оговорка «почти» была бы не нужна).

Основной целью экспедиции являлось изучение местной флоры и местных этносов. Эти темы и стали основными в книге, разнообразное

Ил. 6. Манси с р. Конды (из книги А. Алквиста «Среди хантов и манси»). Sommier S. Un'Estate in Siberia... Р. 121.

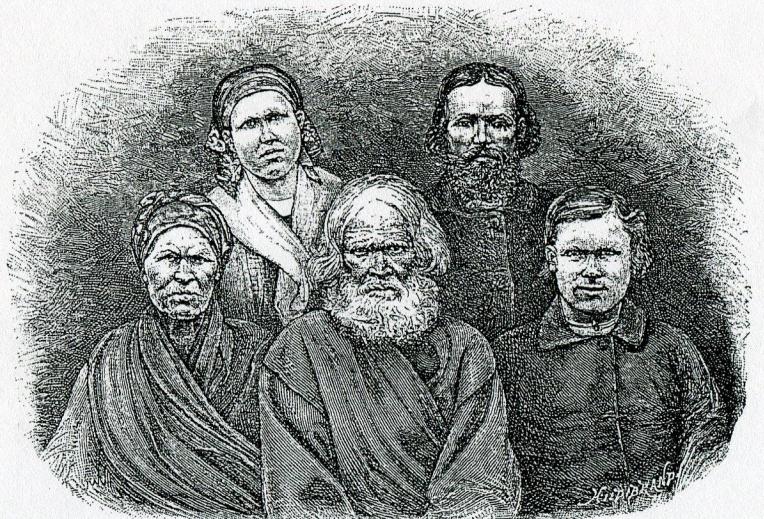
Ил. 7. Малый Атлым. Ханты из Малого Атлыма (гравюры с фотографий Е. Массанти). Sommier S. Un'Estate in Siberia... Р. 161, 195.

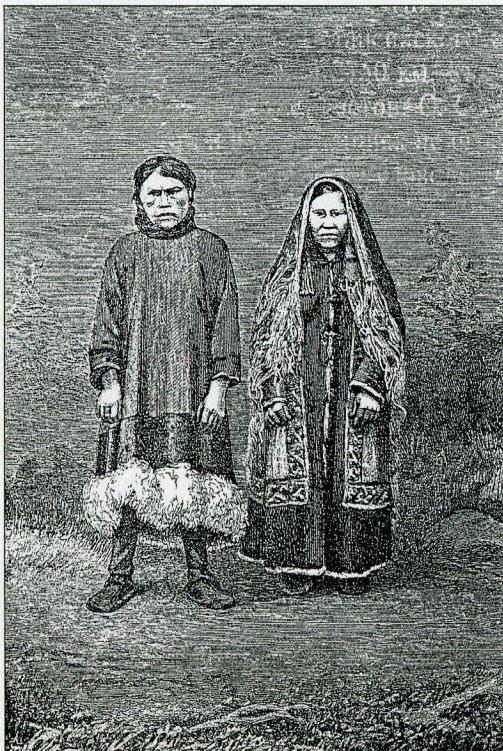
содержание которой включило в себя и ботанические описания, и экономические справки, и этнографические зарисовки, и археологические находки, и многое другое, на чём остановились любопытный взор и аналитический ум учёного.

Почему же в русскоязычном сибиреведении это издание совершенно не используется, а

имя его автора почти неизвестно? Персоналии Соммье нет в Большой Советской энциклопедии, Советском энциклопедическом словаре и созданном на его основе Большом энциклопедическом словаре, в энциклопедии ХМАО — Югры «Югория»... Её нет даже в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана, объём и подробность информации

Ил. 8. Русские старожилы с. Демьянского (гравюра М.С. Знаменского).
Sommier S. Un'Estate in Siberia... P. 119

Ил. 9. Кунуватские ханты (гравюра М.С. Знаменского). Sommier S. Un'Estate in Siberia... P. 210

которой по персоналиям на рубеж кон. XIX – нач. XX в. среди русскоязычных энциклопедических изданий до сих остаются непревзойдёнными. Приятными исключениями являются сегодня региональная энциклопедия ЯНАО, где об итальянском исследователе Западной Сибири есть небольшая публикация³, и официальный информационный портал органов местного самоуправления г. Ханты-Мансийска, на котором зафиксирован факт пребывания С. Соммье в с. Самаровском⁴.

Почти не интересуется фигурой итальянца и наша научная беллетристика, где количество ему посвящённых публикаций за век с лишним можно пересчитать на пальцах одной руки⁵.

Причина такой невостребованности – в недоступности. В первую очередь, в недоступности издания. Вышедшая 120 лет назад в Турине – Риме книга на итальянском языке, сегодня в России является, конечно же, библиографической редкостью. В единичных экземплярах она хранится только в крупных книгохранилищах страны (например, есть в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге). Вторая причина недоступности труда Соммье – язык оригинала. Итальянский не входит в число великих языков мира, в России его не изучают ни в средней, ни в высшей школах. Поэтому и воспользоваться информацией из этого издания практически никто из отечественных сибиреведов не в состоянии.

Впрочем, говорить сейчас можно не только о «Лете в Сибири среди осяков...». Почти вся старая литература о Сибири, изданная на иностранных языках, по полтора – два века после выхода в свет оставалась для русскоязычных специалистов тайной за семью замками. Такое положение имело, как минимум, два негативных последствия. Во-первых, уходили в забвение имена пионеров сибиреведения: в СССР – России их книги не читали, на родине экзотическая тема сибиреведения привлекала лишь единиц. Во-вторых, в информационную базу о Сибири, которой пользовались отечественные специалисты, сведения тех иностранцев (часто уникальные) не вошли, что в итоге обеднило науку.

Ситуация к лучшему изменилась только в последние два десятилетия, и вызвано это единственной причиной – активизацией переводов трудов зарубежных исследователей Сибири XIX в. Частые ссылки в новой научной литературе на сочинения К.Ф. Карьялайнена⁶, Т. Лехтисало⁷, У.Т. Сирелиуса⁸, А. Алквиста⁹, Ф.Р. Мартина¹⁰, Т.Й Арне¹¹, показывают: наконец-то немалое научное и историко-культурное наследие востребовано в самой плодотворной для него среде – русскоязычном сибиреведении.

Но это лишь первые ласточки. Большинство имён по-прежнему остаётся в тени, а масса любопытного и важного материала — без использования. С. Соммье и его «Лето в Сибири среди остыков...» — в том ряду.

Подтверждением нужности и важности этого издания для отечественной исторической науки может служить такой факт. На русском языке была опубликована только одна небольшая работа С. Соммье — в нач. 1890-х гг. О.Н. Оленина перевела его работу «О башкирах»¹². В ней приведены антропологические измерения 70 солдат Оренбургского кавалерийского полка и 4 мужчин из д. Ташбулатово Оренбургской губернии, которые сделал С. Соммье на обратной дороге из Сибири. С тех пор редкое научное исследование, касающееся антропологии башкир или проблем башкирского этногенеза, не обращается к этой работе.

Как ни странно, но в историографию Западной Сибири С. Соммье тоже вошёл в качестве только антрополога. По крайней мере, его имя присутствует во всех крупных сводках антропологических работ по этому региону¹³. В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона в статье «Остяки» имя С. Соммье тоже поставлено в ряд антропологов¹⁴. Во время своей поездки по Оби учёный успел обследовать около 300 чел. (ненцев, ханты, зырян) и раскопать нескольких кладбищ (56 черепов). Полученные материалы были им опубликованы¹⁵, и, как пишут современные специалисты, «получили широкую известность за границей и в России и долгое время оставались одним из наиболее авторитетных источников по антропологии коренного населения Западной Сибири»¹⁶.

Так возникают парадоксы: многогранный исследователь, уделявший проблемам антропологии не больше, а даже меньше времени и внимания, чем другим разделам знаний, вошёл в сибирскую региональную историю науки исключительно как антрополог¹⁷. И причина здесь одна — односторонний подход к его научному наследию, вызванный отсутствием русскоязычного издания его объёмного и многогранного сочинения.

На этом можно было бы закончить рассказ о С. Соммье и о его книге с сибирскими материалами, но... Есть ещё один любопытный сюжет сибирской истории, связанный с этой книгой.

Первая половина 1930-х годов. Впереди — год Большого Террора, и подготовительная работа к нему — тихая и кропотливая — ведётся уже вовсю. В частности со всего огромного Советского Союза собирают

в кучки явных и мнимых врагов большевизма — тех, кто к той поре ещё жив. Совсем немногих свободных и большинство уже ссылочных — всех их чекистская метла энергично сметает в лагеря и тюрьмы. Немало среди них и членов бывшей Партии социалистов-революционеров (ПСР): сначала — союзников коммунистов в борьбе с самодержавием, затем — их оппонентов, а в тридцатых, в подавляющем большинстве, — уже немолодых, аполитичных и напуганных людей.

Так в Тобольске в 1936 г. оказываются бывшие активные члены ПСР: Евгений Евгеньевич Колосов¹⁸ и его жена Валентина Павловна Колосова (урожд. Попова)¹⁹. До этого в 1933—1935 гг., по постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ, они два года провели в Сузdalском политическом изоляторе, и вот — новый срок и новое место отбывания наказания. Его выслали в Тобольск на три года, её — на два.

Как и многие видные представители социал-революционного движения, Колосовы были людьми хорошо образованными и пишущими. Евгений Евгеньевич был сыном того самого Е.Я. Колосова, который вместе с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым был осуждён по напущенному делу «о сибирском сепаратизме»²⁰. Так что склонность к литературному творчеству у Колосова-младшего, можно сказать, была сформирована на генетическом уровне. Позже она реализовалась в его активной и многолетней журналистской и редакторской деятельности. Его специальность в документах ОГПУ обозначена непривычным даже для той эпохи активных неологизмов словосочетанием «интеллигент-литератор». В.П. Колосова тоже не чуралась пера и писала свои воспоминания для альманаха «Каторга и ссылка».

В Тобольске Колосовы сняли две комнаты в избе по ул. Свердлова. На работу устроились в местный музей, имевший к той поре уже немалую историю и богатые фонды. И вот здесь-то и произошло, пусть и опосредованное, пересечение судьб Соммье и Колосовых.

Как всегда, в дело вмешался случай. Колосовы неплохо знали итальянский язык, поскольку в их бурной революционной биографии была и достаточно долгая (с 1909 по 1916 г.) эмиграция в Италии, в местечке Кави ди Лаванья «в 50 верстах от Генуи». По этой причине Евгению Евгеньевичу и предложили перевести книгу С. Соммье, где содержалась масса недоступной местным музейщикам информации о Тобольске и Тобольском Севере.

О событиях в своей жизни и переводе сочинения итальянского путешественника Колосовы писали своей дочери Елене (в семье её звали Эленой)²¹. Ниже приводится первая публикация этих докумен-

Стефан Соммье: невостребованное наследие ...

тов из частного архива Татьяны Евгеньевны Колосовой. Текст писем частично сокращён.

Письмо Валентины Павловны Колосовой (Поповой) дочери Елене

7 октября 1936 г.

Дорогая моя, получили 3-го твою открытку от 28.IX. Отец тебе писал до получения открытки, так что ты знаешь о прискорбном событии в нашей жизни: я снята с работы, с 27-го числа я свободна. В Главсевморпути в разных отделах нас служило всего 4 человека, и всех в один день и один час сняли; хоть бы Otto Юльевич²² за нас заступился.

Сижу – пишу карточки библиотечным почерком. Делаю это впервые, и не скажу, чтоб выходило у меня очень изящно – так на 3+, не больше. Пока всего было на 13 р.; может быть, за месяц у них найдётся рублей на 100. С выданными мне выходными, октябрь проживём без забот. Залпом прочитала Бэрда «Над южным полюсом»²³. Не могла лечь спать пока не прочитала его полёт над полюсом.

От Маруси²⁴ посылка: яблоки и арбуз. Ели с наслаждением. А перед этим – подтяжки и ножички бритвенные и несколько яблок.

Я мечтаю: «блеснёт заутра луч денници, и заиграет...»²⁵ – а я, быть может, увижу Танюшку²⁶; возможно, что смажет она меня палькой при первом знакомстве.

А теперь, дорогая моя, позволь пожелать тебе с дочкой всего хорошего, обнять и поцеловать.

Валентина.

P.S. Отец здоров. Перевёл за лето книжку в 10 печатных листов с итальянского. Автор – итальянец, был в I-ой половине 80-х годов в Тобольске, Обдорске и написал об инородцах антрополого-этнографическую работу. Перевод потребовался для работников музея. Собираются оплатить; хотя бы по 25 р. за лист – и то хлеб.

Письмо Евгения Евгеньевича Колосова дочери Елене

25 октября 1936 г.

Милая Элена! Давно тебе не писал. Занят был переводом с итальянского для музея – и вот вчера, кажется, уже всё закончил. Сам не ожидал, что одолею – и сравнительно без особого труда – целую книгу. Обещали, конечно, заплатить, но ещё не знаю – сколько. С сегодняшнего числа я, вообще, перехожу в музее на самостоятельное положение и с нормальным окладом²⁷.

Е.Е. Колосов, Я.А. Яковлев

Сегодня Танюшка вступает уже в третий год своего жизненного поприща! Пойду утром пошлю телеграмму по дороге на службу. Собственно, я мог бы послать денег тебе, но выдерживаю характер: хочу забронировать рублей 200–300 на шубу маме. Наша жизнь идёт пока что спокойно. На службе, где была мама, начальству был выговор за их паническую распорядительность, но уже поздно, сделанного не воротишь.

Обнимаю крепко Вас обеих.

Твой Евг. Колосов.

Из приведённых писем следует два вывода.

Во-первых, в 1936 г. в Тобольском музее имелась книга С. Соммье «Лето в Сибири среди остыков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир». Пусть её название, как и фамилия автора, не упомянуты. Несколько хоть и кратких, но характерных указаний в тексте письма (национальность автора, время и место его поездки, «антрополого-этнографическое» содержание и объём издания) другого варианта не предполагают.

Во-вторых, книга была Е.Е. Колосовым полностью переведена с итальянского на русский, и имелся рукописный вариант перевода.

Почему глаголы использованы в прошедшем времени? Потому что сегодня в Тобольском музее перевода нет.

Наверняка работа по изданию русскоязычного перевода (если такое издание вообще мыслилось руководством музея) была прервана дальнейшими трагическими событиями и в стране, и в семье Колосовых: в 1937 г. Евгений Евгеньевич и Валентина Павловна Колосовы были арестованы и расстреляны.

А что же перевод? На запрос внука переводчика и соавтора этой статьи в Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник поступил ответ: иных документов, кроме заявления Е.Е. Колосова о приёме на работу, в архиве нет. Скорее всего, перевод был изъят при последнем аресте.

Но так хочется чуда! Например, сообщения, что листы с переводом всё же сохранились где-то среди документов в Тобольском музее. Или лежат сейчас в пухлом деле Е.Е. Колосова в архиве ФСБ...

Но даже в этом случае необходимо всё же приступить к новому переводу сочинения С. Соммье, которое содержит массу уникального материала о природе и истории Среднего и Нижнего Приобья (территории ХМАО – Югры и ЯНАО). Если обратиться к этнографическим

Ил. 10. Князь Тайшин (гравюра с фотографии С. Сомье). Печать князя.
Sommier S. Un'Estate in Siberia... P. 303, 309

сюжетам исследователя, то многие из них к сегодняшнему дню безвозвратно утрачены. Описания и рисунки селений и кладбищ, предметов быта и украшений, одежды и средств передвижения, сакральной атрибутики и музыкальных инструментов... Погребально-поминальный ритуал и приёмы деревообработки, гигиенические процедуры и медвежьи праздники... Экономические таблицы и антропологические измерения, народная хореография и музицирование (вплоть до нотных записей)... Всё это уникальные материалы — к примеру, фото знаменитого князя Тайшина (ил. 10). Всё это щедро разбросано по страницам книги С. Сомье — и всё это крайне важно для нынешнего сибиреведения.

Издание русскоязычного варианта труда С. Сомье позволило бы не только значительно обогатить источниковую базу исторического сибиреведения, но и поставить его автора в подобающий ему первый ряд исследователей северных территорий Евразии. Это событие стало бы и своеобразным поминальным актом о трагической судьбе первых переводчиков, утверждением и завершением начатой ими работы.

5-8

Книга Сомье благополучно пережила своего первого переводчика и до сих пор хранится в Тобольском музее, ожидая русскоязычного читателя. Она — о Сибири, начала переводиться в Сибири... В Сибири этот перевод и должен быть закончен!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Enciclopedia Italiana. Roma, 1936. Vol. XXXII. P.—133.
- ² Sommier S. Un'Estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, siriéni, tatári, kirghisi e baskíri. Turino; Roma, 1885.
- ³ Коновалова Е.Н. Сомье Стефан // Ямал: Энциклопедия Ямalo-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. Т. 3. С. 110.
- ⁴ WWW: ugo@admhmansy.ru
- ⁵ Головачёв П. Путешествие итальянца Сомье по Сибири // Сибирский сборник: Приложение к «Восточному обозрению». СПб., 1886. Кн.1. С. 169—195; Омельчук А.К. Что сказал неведомый Сомье // Уральский следопыт. 1984. № 5. С. 65.
- ⁶ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1994 (т. I.), 1995 (т. II), 1996 (т. 3).
- ⁷ Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998.
- ⁸ Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.
- ⁹ Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые заметки и этнографические заметки. Томск, 1999.
- ¹⁰ Мартин Ф.Р. Сибирика: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004.
- ¹¹ Арне Т.Й. Барсов Городок: Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут, 2005.
- ¹² Сомье С. О башкирах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891—1892. Т. 13. Вып. 1. С. 22—34. (Пер. О.Н. Олениной).
- ¹³ Руденко С.И. Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири // Записки Императорской Академии наук по физико-математическому отделению. Пг., 1914. Т. XXXIII, № 3; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. С. 18.
- ¹⁴ Д.А. Остяки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефона. СПб., 1897. Т. XLIII. С. 368—370.
- ¹⁵ Sommier S. Siriéni, Ostiacchie e Samoiedi dell' Ob. Prime Parte // Archivio per l'Antropologia e la Etnologia. Firenze, 1877. Vol. 17. Fasc. 1—2. P. 20—70.
- ¹⁶ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири... С. 18.
- ¹⁷ Руденко С.И. Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири...
- ¹⁸ См. приложение 1.
- ¹⁹ См. приложение 2.
- ²⁰ Колосов Е.Е. Потанин и Колосовы: перекличка через десятилетия // Сибирская старина (г. Томск). 2005. № 24. С. 6—10.
- ²¹ Колосова Елена Евгеньевна (02.09.1909. — 24.11.1086.). Родилась в Кави ди Лаванья (Италия). В 1926—1931 гг. училась на географическом факультете Ленинградского университета, однако при переезде в Москву в 1932 г. на последний курс зачислена не была из-за отказа отречься от арестованных по политической статье

родителей. В 1933 г. сама была подвергнута аресту и месячному содержанию под стражей. 25.10.1934 г. родила дочь Таню. В годы Великой Отечественной войны Елена Евгеньевна готовила лыжников в воинских частях Сибири. Позже заочно окончила Центральный институт физической культуры, работала в издательстве «Физкультура и спорт». С 1961 г. являлась членом Союза журналистов СССР.

²² Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) — советский учёный, государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути, академик, вице-президент АН СССР, Герой Советского Союза. В 1932–1939 начальник Главсевморпути.

²³ Бэрд (Бёрд) Ричард (1888–1957) — американский полярный исследователь, лётчик, адмирал, руководитель американских антарктических экспедиций в 1928–1930, 1933–1935, 1939–1941, 1946–1947 гг.

²⁴ Колосова Мария — сноха Е.Е. и В.П. Колосовых, жена их сына Евгения Евгеньевича Колосова.

²⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 6, стих XXII.

²⁶ Таня — внучка Е.Е. и В.П. Колосовых, дочь их дочери Елены Евгеньевны Колосовой (см. выше). В момент написания письма ей было 2 года.

²⁷ Был принят на должность инвентаризатора.

Приложение I

Колосов Евгений Евгеньевич

Е.Е. Колосов перед этапированием в Сузdalский политизолятор. Москва, Лубянка. Июнь 1933 г.

04.01.1879., г. Нерчинск Забайкальской обл. — 12.08.1938 г., г. Тобольск.

Из семьи дворянина, отставного подпоручика Евгения Яковлевича Колосова, известного «областника», вместе с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым осуждённого в 1868 г. по нашумевшему делу «об отделении Сибири от России». Мать — урождённая Анна Георгиевна Разгильдеева — по женской линии вела происхождение от знаменитого в Забайкалье рода Гантимуровых.

В возрасте 5 лет вместе с семьёй переехал в губернский город Томск, где закончил частную школу Шемуковой и Алексеевское реальное училище. С 1896 г. — вольнослушатель Петербургского университета и одновременно канцелярский служащий Горного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ.

В столице молодой сибиряк быстро влился в среду революционной моло-

дёжи. Уже в 1897 г. он принял участие в работе Петербургской группы социалистов-революционеров¹ и 4 марта 1897 г. был задержан полицией во время студенческой демонстрации по поводу самоубийства заключённой Петропавловской крепости курсистки М.Ф. Ветровой². В следующем 1898 г. Е.Е. Колосов уже официально оформил свою партийную принадлежность, вступив в Союз социалистов-революционеров. В октябре того же года он познакомился и сблизился с Н.К. Михайловским — известным народником и публицистом. Эти отношения во многом предопределили взгляды и деятельность Е.Е. Колосова в будущем.

В 1899 г. юного эсера за участие в студенческих беспорядках исключили из университета и арестовали, но вскоре освободили под негласный надзор полиции³.

В 1900 г. Е.Е. Колосов вернулся в Томск и 9 октября поступил на механическое отделение Технологического института⁴. Однако учиться долго не пришлось. Активная социал-революционная деятельность, в частности организация подпольной типографии на загородной территории Томского переселенческого пункта и участие в студенческих волнениях, уже через 5 месяцев стали причиной исключения бунтаря из вуза. 18 марта 1901 г. его в административном порядке выслали из Томска в Ачинск к отцу, служившего там акцизным надзирателем⁵.

В этот период жизни произошло знаменательное событие: 26 мая 1901 г. в Красноярске Евгений Колосов встретился со своей дальней родственницей Валентиной Поповой. Это встреча и последовавшая вскоре свадьба определили их общую судьбу до самой смерти: революционная борьба, эмиграция, ссылки, тюрьмы и общая могила для расстрелянных...

Е.Е. Колосов вернулся в Томск, однако 8 августа вышло постановление департамента полиции, запрещающее ему с 24 июля 1901 г. в течение года проживать в университетских городах⁶. Томск, по праву гордившийся титулом «города первого в Азиатской части российского университета», входил в список запрещённых мест проживания. И Колосов выбрал Нижний Новгород, гремевший в ту пору революционными выступлениями рабочих и молодёжи.

На новом месте жительства молодой революционер устроился на должность земского статистика, занялся пропагандистской работой среди сормовских рабочих, познакомился с А.М. Горьким и Е.П. Пешковой, даже успел 6–7 ноября принять участие в общественных проводах писателя на лечение в Крым и выступить на митинге.

Однако 12 ноября 1901 г. последовал новый арест за старые дела — следствие по делу о томской типографии нашло фигуранта и в Нижнем Новгороде. Е.Е. Колосова препроводили в Московскую губернскую уголовную тюрьму на ул. Каменщики⁷. Там он провёл 11 мес. и осенью 1902 г. был выпущен под залог в 2 тыс. руб.

За это время в политической жизни России произошло важное событие: в начале декабря 1901 г. Южная партия и Союз социалистов-революционеров объединились в единую Партию социалистов-революционеров (ПСР).

Вернувшись в Нижний Новгород, Е.Е. Колосов вновь с головой окунулся в революционную работу ПСР. Несколько раз был арестован; в конце концов, по делу о томской типографии попал под гласный надзор полиции. А 1 марта 1903 г. на свет появилось предписание департамента полиции о розыске, аресте и препровождению Е.Е. Колосова в распоряжение начальника Нижегородского губернского жандармского управления⁸. Это стало причиной для его перехода на нелегальное положение и переезда в Санкт-Петербург, где он наконец-то встретился с женой.

Однако семейная жизнь оказалась недолгой — 14 мая оба были арестованы: она — на железнодорожной станции Левашово, он — на квартире. Сначала их поместили в одиночные камеры Трубецкого бастиона Петровпавловской крепости (соответственно, в № 59 и 63)⁹, но 1 марта 1904 г. в 8 час. вечера Е.Е. Колосова перевели в Санкт-Петербургский Дом предварительного заключения¹⁰. Оттуда 15 января 1905 г. его переместили в столичную пересыльную тюрьму, чтобы через 4 дня этапировать в Нижний Новгород — там 29 января должен был состояться суд по делу революционной пропаганды среди сормовских рабочих, к которому Колосов привлекался в качестве обвиняемого. Однако суд не состоялся — обвиняемый Колосов был освобождён под залог, внесённый его адвокатом.

Наступил черёд событий, вошедших в отечественную историю как «первая русская революция 1905 года». И оказавшийся на волне социалист-революционер Колосов, конечно же, погрузился в них с головой. В марте он вошёл в летучий отряд боевой дружины нижегородской ячейки партии и сразу же включился в подготовку покушения на начальника местного охранного отделения ротмистра А.В. Грешнера. Убийство случилось в ночь на 28 апреля¹¹. Весной и летом Колосов, перешедший на нелегальное положение, под именем Николая Николаевича активно участвовал в пропагандистской кампании против самодержавия. Его призывы к вооружённому восстанию чаще звучали на сходках сормовских рабочих¹², но имела место и попытка агитации среди крестьян (Семёновский уезд по р. Керженцу) — правда, по признанию самого Евгения Евгеньевича, она оказалась малоуспешной¹³.

А в первых числах августа он участвовал в съезде Боевой организации эсэров, на котором присутствовали все лидеры вооружённого крыла этой партии: Е.Ф. Азеф, Б.В. Савинков, Л.И. Зильберберг¹⁴. Жена — В.П. Попова — также приняла участие в этом мероприятии боевиков (в качестве связной).

Сразу после этого события, 4 августа Е.Е. Колосов, скрываясь от ареста, перебрался в Ярославль, позже — в столицу. Туда же на короткий срок приехала и его супруга. Уже в сентябре они расстались: она перебралась в Москву, он вернулся в Нижний Новгород, чтобы в ноябре тоже уехать в первопрестольную и никогда более в город на Волге не возвращаться.

В Москве Е.Е. Колосов успел принять участие в Декабрьском вооружённом восстании, участвовал в разработке проекта программы ПСР, в подготовке и работе 1-го съезда партии (декабрь 1905 г. — январь 1906 г.). Его партийный

статус после этого съезда неясен. Некоторые историки утверждают, что Колосов был избран в состав ЦК¹⁵. Однако сам он позже писал: «О моей тогдашней революционной деятельности говорится в известной книге Спиридовича... [см. сноску 1], хотя и с ошибками. Спиридович пишет обо мне, что я был членом ЦК партии с.-р. и членом Боевой организации. Первое не верно, я не был членом ЦК, но был в числе основателей Союза социал[истов]-революционеров, из которой вышла позже партия, и в партийной деятельности занимал одно из видных мест, не будучи членом ЦК». Цитата взята из записки Е.Е. Колосова от 9 декабря 1929 г. вправление объединения Узбекхлопок¹⁶. В это время он уже был репрессирован за бытую политическую деятельность, сослан в Ташкент, и потому к подобным документам нужно относиться осторожно.

Впрочем, на съезд Е.Е. Колосов не попал — по поручению ЦК ПСР он с транспортом нелегальной литературы выехал в Саратов, где в ночь с 4-го на 5-е января 1906 г. был арестован. Сначала он содержался в губернской тюрьме, потом был переведён в тюремную больницу, откуда 18 июля в восемь утра благополучно сбежал¹⁷.

Этот побег помог «государственному преступнику» Колосову избежать сибирской ссылки, куда после подавления революционных событий 1905 г. были отправлены тысячи активных противников российского самодержавия. Ведь сразу же за исчезновением из больницы, 23 июля было подписано постановление Особого совещания о высылке Е.Е. Колосова в Туруханский край Енисейской губернии.

Вместо Сибири нелегал Колосов оказался в Европе. Правда, сначала в российской её части — в Финляндии. Там в Иматре в октябре 1906 г. он присутствовал на съезде Совета ПСР. Партийный форум проходил в «ОТЕЛЕ ТУРИСТОВ». В этом же здании располагалась и динамитная мастерская, где в то время работала жена Валентина.

После съезда пришёл черёд и заграничной Европы — Франция, Швейцария, Италия. Жил под фамилией Эдоардо Колари (Коляри). В этот период эмиграции Е.Е. Колосов активно занимался литературно-публицистической деятельностью — писал для историко-революционного сборника «Былое», в партийные газеты («Будущее», «Социалист-революционер»), в российские легальные издания (журналы «Заветы», «Русское богатство» и «Голос Сибири», газета «Киевская мысль») и др.

В октябре 1907 г. Е.Е. Колосов в составе 24 делегатов ПСР присутствовал на VII Международном конгрессе социалистических партий в г. Штутгарте¹⁸.

Осенью того же года Е.Е. Колосов, нелегально приехав в Финляндию, вывез семью во Францию. В нач. 1909 г. они поселились в Италии — примерно в 50 км от Генуи, в местечке Кави ди Лаванья (ул. Церковная, дом 76)¹⁹. Здесь проживали около 40 российских эмигрантов, многие из которых были в прошлом боевиками.

Второго сентября 1909 г. в семье появился четвёртый человек — родилась дочь Елена.

В это время (апрель 1909 г.) произошёл идеиный и организационный разрыв Е.Е. Колосова с партией. Убеждённого сторонника террористических форм борьбы и народного восстания возмутил отказ ЦК выдать санкции: Рутенбергу — на убийство Гапона (1906 г.), Никитенко — на теракт против царя (1907 г.). Однако официальный выход из партии не помешал Колосову продолжать активную революционную работу. Он помогал В.Л. Бурцеву в его работе по разоблачению агентов охранки и провокаторов среди эсеров, в кон. 1912 г. принял участие в заседаниях Парижской группы содействия ПСР. Особенно близко тогда Е.Е. Колосов сблизился с Г.А. Лопатиным и М.А. Осоргиным.

Однако основные силы в этот период были отданы литературному труду — собственно говоря, им семья и кормилась. Он сотрудничал в журналах «Русское богатство», «Современник», «Северные записки», «Былое» и «Голос минувшего»; в газетах «Русские ведомости», «Киевская мысль», «Мысль»; в сибирской периодике. Писал о народничестве, областничестве, программе ПСР, выступал против большевизма²⁰. В 1914 г. в столичной легальной газете ПСР «Стойкая мысль» обнародовал программную статью «Левое народничество и его задачи».

Однако основной темой работы Е.Е. Колосова стало изучение творческого наследия Н.К. Михайловского²¹. Им было подготовлено к изданию полное собрание сочинений, написаны примечания (библиографические заметки) к 10-му тому. В 1912 г. Колосов выпустил «Очерки мировоззрения Н.К. Михайловского»²², в которых «проанализировал главные принципы его социологической концепции в развитии и взаимодействии с различными течениями общественной мысли того времени, сделал попытку спроектировать взгляды Михайловского на современное общество и показать, как они отразились в общественном сознании»²³.

С началом Первой мировой войны социалист-революционер Колосов стал убеждённым «оборонцем» и, верный своим принципам, обратился в Российское генеральное консульство в Риме с просьбой о возвращении в Россию и поступлении на военную службу. Колосова не остановило даже то, что над ним довел неотменённый приговор высылки в Туруханский край.

Власти патриотизм не оценили: 22 января 1916 г. семья Колосовых выехала домой через российско-шведскую границу, а 28 января была арестована на Торненском пограничном пункте. Департамент полиции посчитал нежелательным поступление Колосова на военную службу «по характеру его преступной деятельности». Правда, после депортации в Петроград арест был снят, но приговор о ссылке остался в силе. И в мае 1916 г. Евгений Евгеньевич выехал в Красноярск — этот город вместо Туруханского края был определён местом ссылки. Осенью того же года к нему перебралась и семья. Используя старые связи отца, Колосов устроился на службу в золотопромышленное объединение²⁴.

После Февральской революции Е.Е. Колосов с головой окунулся в политическую борьбу Красноярска: возглавил местных социалистов-революционеров,

редактировал партийную газету «Наш голос», вошёл в Совет рабочих и солдатских депутатов и Комитет общественного спасения, председательствовал на Енисейском губернском съезде крестьянских депутатов²⁵. Главными политическими задачами в это время для него стали: поддержка Временного правительства, агитация за продолжение войны с Германией и борьба с большевизмом. Выполняя их не только словом, но и делом, Е.Е. Колосов записался стрелком в 15-й запасной пехотный полк.

В июле 1917 г. он выехал из Красноярска в столицу, где от Временного правительства получил мандат комиссара города и крепости Кронштадт. Однако это назначение произошло лишь на бумаге, поскольку местный Совет рабочих и солдатских депутатов не отказался от своего права иметь выборного, а не назначенного комиссара, и отказал назначенному.

Е.Е. Колосов вошёл в группу старых революционеров (А.А. Аргунов, Л.Г. Дейч, Г.В. Плеханов, В.Н. Фигнер и др.), которые призывали граждан России подчиниться Временному правительству.

Октябрьская революция застала его на северном фронте в местечке Кресловка близ Двинска (сейчас Краслава около Даугавпилса) в Латвии, где он читал лекции в солдатском университете.

В ноябре Е.Е. Колосов стал депутатом Учредительного собрания от Енисейской губернии по списку ПСР, с 26 ноября по 5 декабря участвовал в работе 4-го съезда своей партии.

Даже после разгона большевиками Учредительного собрания и расстрела демонстрации в поддержку этого демократического парламента Е.Е. Колосов продолжал свою политическую деятельность: с группой единомышленников создал общество «Культура и Свобода», много писал и выступал на митингах. Однако вывод о том, что центр политической и вооружённой борьбы перемещается из столицы в Сибирь, и мысль об оставленной уже год назад семье привели к отъезду Е.Е. Колосова 6 июня из Петрограда.

Чехословацкий мятеж застал его в дороге, так что он приехал уже в захваченный Красноярск. Неутомимая энергия Е.Е. Колосова и на этот раз быстро вывела его в первую шеренгу политиков. Он вошёл в Сибирскую областную думу от Енисейской губернии. Работал с Сибкрайкоме ПСР. В сентябре вместе с Г.Е. Львовым ездил на Дальний Восток для передачи приветствия союзническому командованию Антанты от Уфимского государственного совещания. Побывал во Владивостоке и Харбине. После этого 15 ноября 1918 г. выступал в Томском университете с публичными лекциями на тему «Дальний Восток и наше будущее»²⁶.

После ноябрьского переворота и захвата власти «верховным правителем» адмиралом А.В. Колчаком Е.Е. Колосов вошёл в состав Енисейского губернского земства. В мае 1919 г. в журнале «Новое земское дело», которое он редактировал, опубликовал своё послание начальнику 3-й чехословацких дивизий подполковнику М. Прхалу с описанием ужасов Гражданской войны в Сибири и просьбой обеспечить защиту мирного населения Енисейской губернии от произвола²⁷.

Опасаясь ареста, 22 мая Е.Е. Колосов бежал на Алтай, где скрывался около месяца.

В июле 1919 г. для обсуждения плана общего выступления ПСР и чехословацких войск против диктатуры Колчака Е.Е. Колосов встречался с генералом Р. Гайдой²⁸.

В октябре 1919 г. в Иркутске на нелегальном Всесибирском съезде земств и городов для объединения политической работы было создано Земское политическое бюро под председательством Е.Е. Колосова. Позиция этого движения была одновременно и антиколчаковской, и антибольшевистской. Объединяющей платформой представителей городов и разнообразных политических сил стала идея создания Восточно-Сибирского буферного государства. В образованном Политцентре, который возглавил антиколчаковское вооружённое выступление, Земское политическое бюро представлял Е.Е. Колосов²⁹.

23 декабря 1919 г. командующий войсками Енисейского округа генерал Зиневич при участии представителя земства социалиста-революционера Колосова низложил в Красноярске властные структуры Колчака и передал город в подчинение Комитету общественных организаций (большевиков туда не ввели). Следом антиколчаковский переворот прокатился по всей железной дороге от Красноярска до Иркутска.

Одна антидемократическая сила была повержена. Однако со второй — упорно продвигавшимися на восток частями Красной армии — Политцентр совладать уже не мог. Е.Е. Колосов пытался отстаивать идеи и решения своей партии до конца. 2 января 1920 г. он вёл переговоры о перемирии с командованием бригады 5-й армии, подошедшей к Красноярску, но получил ультиматум о полной и безоговорочной капитуляции. В январе же в составе делегации Политцентра Е.Е. Колосов на переговорах в Томске пытался убедить уже представителей Сибревкома и командование 5-й армии остановить войска и согласиться на создание Восточно-Сибирского буферного государства. Большевикам было важно выиграть время, и 19 января они согласились с идеей Политцентра, через два дня подтвердив эту договорённость телеграммами из Москвы. Воодушевлённая делегация поехала в Иркутск, но по дороге дошла информация о распуске Политцентра и передаче власти Иркутскому ревкому. Даже оставшись без политической и вооружённой поддержки, делегация решается на поездку в советскую Москву для продолжения переговоров о государстве-буфере. Но уже поздно — в Омске их арестовали.

Там же, в Омской тюрьме уже находилась жена Е.Е. Колосова. Так что тот арест стал первым, но далеко не последним арестом Колосовых советской властью. Правда, первое заключение под стражу оказалось недолгим, уже в мае их выпустили.

После этого семья осталась на жительство в Омске. Евгений Евгеньевич сначала служил в экономическом отделе Сибревкома, затем статистиком в Сибздраве.

В нач. 1922 г. Колосовы перебрались в Петроград и прекратили всякую политическую деятельность. Евгений Евгеньевич в журналах «Былое», «Каторга

5-2

и ссылка» и др. публиковал рецензии, исторические и мемуарные материалы о революционном движении в России и Гражданской войне в Сибири³⁰.

Однако такая спокойная жизнь продолжалась недолго — пришёл час расплаты за антибольшевистскую деятельность. Отныне и до смерти Е.Е. Колосов не будет иметь статуса свободного гражданина, только — подследственный либо отбывающий наказание: 1925—1928 гг. — Верхнеуральский политический изолятор, 1928—1930 гг. — ташкентская ссылка, 1931—1933 гг. — условный срок с запретом проживания в Ленинграде, 1933—1936 гг. — Сузdalский политический изолятор, 1936—1937 гг. — тобольская ссылка. Помимо ссылки в Узбекистан и последующего условного наказания, все эти приговоры были вынесены и в отношении В.П. Колосовой.

По мере возможности даже в условиях неволи Е.Е. Колосов продолжал свою литературную и научно-исследовательскую деятельность³¹. В 1930 г. он опубликовал работу «Народовольческая журналистика», вызвавшую неоднозначные оценки со стороны бывших народовольцев³². Подготовил к изданию сочинения шлиссельбуржцев (Ф.Н. Юрковского, М.В. Новорусского³³ и воспоминания Г.Н. Потанина³⁴. В 1936 г., работая в Тобольском музее, перевёл с итальянского книги С. Соммье «Лето в Сибири среди остыakov, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир».

Последний арест наступил 6 февраля 1937 г. Евгений Евгеньевич и Валентина Павловна Колосовы были препровождены в Тобольскую городскую тюрьму и, после краткого фальсифицированного следствия, 12 августа того же года расстреляны по приговору тройки при управлении НКВД по Омской области³⁵. Закопаны здесь же — на территории хозяйственного двора тюрьмы — в общей яме.

Реабилитированы по запросу внука и соавтора данной публикации в 1994 г.³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. 1886—1916 гг. 2-е изд. Петроград, 1918. С. 47—49.

² Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 260—262.

³ Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 56. Д. 407. Л. 1—3.

⁴ Государственный архив Томской области. Ф. 194. Оп. 5. Д. 1112. Л. 2—4.

⁵ Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3472. Л. 11—12 (об.), 31, 33, 35.

⁶ Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 56. Д. 407. Л. 306; Ф. 104. Оп. 1. Д. 3147. Л. 202.

⁷ Хроника революционной борьбы // Революционная Россия. 1902. № 9. С. 18.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 254. Оп. 1. Д. 12722. Л. 220, 221, 223 (об.); Ф. 1648. Оп. 1. Д. 1187. Л. 182, 184.

⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 886. Л. 19; Ф. 1280. Оп. 1. Д. 903. Л. 2—2 (об.);

Стефан Соммье: невостребованное наследие ...

- ¹⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 910. Л. 31.
- ¹¹ Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] А.Л. Никифоров и дело Грешнера: По личным воспоминаниям // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 38—54.
- ¹² Государственный архив Нижегородской области. Ф. 918. Оп. 8. Д. 224. Л. 651—651 (об.); Ф. 918. Оп. 8. Д. 570. Л. 318—318 (об.).
- ¹³ Колосов Е.Е. Русское народничество и культурная работа // Культура и свобода. Петроград, 1918. Сб. 1. С. 59—62.
- ¹⁴ Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич... С. 26.
- ¹⁵ Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич... С. 26.
- ¹⁶ Личный архив Т.Е. Колосовой.
- ¹⁷ Государственный архив Саратовской области. Ф. 57. Оп. 1. Д. 41. Л. 300.
- ¹⁸ Государственный архив Ярославской области. Ф. 906. Оп. 1. Д. 28. Л. 2, 3.
- ¹⁹ Коляри Э. [Колосов Е.Е.] Русская тайная полиция в Италии // Былое. 1924. № 25. С.130—154.
- ²⁰ Например: Колосов Е.Е. Как нам относиться к Государственной думе (Из области партийной этики). Париж, 1911; Колосов Е.Е. Русские волонтёры во Франции: Памяти С.Н. Слетова. Петроград, 1916.
- ²¹ Колосов Е.Е. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского (Теория разделения труда как основа научной социологии). СПб. 1912; Колосов Е.Е. К характеристике общественного миросозерцания Н. К. Михайловского // Голос минувшего. 1914. № 2—3; Колосов Е.Е. Н.К. Михайловский: Социология. Публицистика. Литературная деятельность. Отношение к революционному движению. Петроград, 1917.
- ²² Колосов Е.Е. Очерки мировоззрения Н.К.Михайловского. СПб., 1912.
- ²³ Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич... С. 26.
- ²⁴ Колосов Е.Е. Сибирская золотопромышленность и дорожовизна // Сибирская жизнь (г. Томск). 1916. 1 дек.; Колосов Е.Е. Рабочий вопрос на приисках и дорожовизна // Сибирская жизнь (г. Томск). 1917. 16 февр.
- ²⁵ Колосов Е.Е. Земельная программа партии социалистов-революционеров: Доклад на крестьянском съезде в Красноярске. Красноярск, 1917; Колосов Е.Е. Нелепые слухи (О монастырях и монастырских имуществах). Красноярск, 1917.
- ²⁶ Колосов Е.Е. Дальний Восток и наше будущее: Публичные лекции и дополнения к ним. Красноярск, 1919.
- ²⁷ Колосов Е.Е. По поводу двух приказов // Новое земское слово (г. Красноярск). 1919. № 12—13. С. 4—6.
- ²⁸ [Солодовников Б.] Сибирские авантюристы и генерал Гайда. Прага, б.г.
- ²⁹ Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич... С. 26.
- ³⁰ Например: Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Петроград, 1923.
- ³¹ Например: По Шлиссельбургской крепости: Спутник экскурсанта / Сост. Е.Е. Колосов. Л., 1924; Колосов Е.Е. В русской Бастилии: Шлиссельбургская крепость и её прошлое. М.; Л., 1926; Колосов Е.Е. Государева тюрьма — Шлиссельбург. Петроград, 1924; Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] К вопросу о реабилитации Нечаева // Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 225—338; Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] Газета «Народная воля» и её редакторы // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 105—143.
- ³² Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] Народовольческая журналистика / Послесл. В. Фигнер. М., 1930.
- ³³ Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич... С. 26.

Е.Е. Колосов, Я.А. Яковлев

³⁴ Колосов Е.Е. Потанин и Колосовы: перекличка через десятилетия // Сибирская старина (г. Томск). 2005. № 24. С. 6—10.

³⁵ Свидетельство о смерти Колосова Евгения Евгеньевича 12.08.1937. в Тобольске. ЗАГС Тобольска. 14.06.1994.; Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область) / Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 272, 435, 437.

³⁶ Справки о реабилитации, выданные прокуратурой Тюменской области на грана Колосова Евгения Евгеньевича. № 13-2-94 от 23.06.1994. (переоформлена за № 13-302-98 от 29.07.1998.).

См. также об Е.Е. Колосове: Аргунов А.А. Из прошлого партии социалистов-революционеров // Былое. 1907. № 10(22); Ратнер А.В. Он родился в Нерчинске // В мире книг. 1979. № 1; Шишкин В.И., Сибирские эсеры и колчаковщина (кон. 1918 — нач. 1920 гг.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: Мат-лы конф. Калинин, 1983; Каминский А.А., Влияние политической ссылки на деятельность эсеровских организаций Западной Сибири накануне первой российской революции // Политическая ссылка и революционное движение в России. Кон. XIX — нач. XX в. Новосибирск, 1988. С. 83—84.

Приложение 2

Колосова (Попова) Валентина Павловна

26.12.1880., г. Красноярск — 12.08.1938 г., г. Тобольск.

Из известной в Красноярске семьи Поповых: дед по отцу Николай Лаврентьевич был почётным гражданином города и занимал значительный пост в Духовной консистории, отец Павел Николаевич тоже служил при консистории. Мать — Клавдия Гавриловна — была домовладелицей и сдавала комнаты с полным пансионом под общежитие подпольного Красного креста, который занимался оказанием помощи политическим ссыльным. С 4 марта по 30 апреля 1897 г. у неё даже жил ссыльный В.И. Ленин¹.

Валентина с детства впитывала разговоры политссыльных и не могла не проникнуться революционными идеями. Поэтому неудивительно, что после окончания женской гимназии в 1896 г. и поступления на курсы физического образования П.Ф. Лесгафта в Санкт-Петербурге она, как и многие молодые выходцы из разночинских семей, вступила в народовольческую организацию. За участие в нашумевшей демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора её выслали из Петербурга на родину в Красноярск сроком на один год².

Этот год отмечен очень важным событием — знакомством 26 мая 1901 г. с административно ссыльным в г. Ачинск Евгением Колосовым, свадьба и общая судьба до конца жизни.

Окончание годичного срока ссылки Валентина Попова встретила в Иркутске, где гостила у родственников. Там же она узнала, что, по предписанию департамента полиции от 20 марта 1902 г., ей запрещено проживание в столице и Санкт-Петербургской губернии³. Это перечёркивало её планы продолжить обучение на курсах Лесгафта. Проигнорировав запрет, она после

❖ Стефан Соммье: невостребованное наследие ...

краткосрочного заезда в Красноярск, перебралась-таки в Санкт-Петербург, перешла на нелегальное положение и включилась в революционную работу — рассылку запрещённой литературы.

Активность молодой революционерки была замечена, к ней проявил интерес сам Е.Ф. Азеф — одна из главных фигур ПСР, руководитель Боевой организации⁴.

В середине мая 1903 г. В.П. Попова была первый раз арестована. При очередном возвращении из Финляндии в столицу на станции Левашово у неё в багаже обнаружили партию нелегальной литературы⁵. 15 мая Валентину Павловну поместили в одиночную камеру № 59 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Почти рядом — в камере № 63 — содержался её муж Е.Е. Колосов, доставленный в крепость днём ранее⁶.

Только через год, 19 мая 1904 г. эсерку Попову переместили в Санкт-Петербургский Дом предварительного заключения⁷. Она была обвинена по делу распространения нелегальной литературы, но получила освобождение под залог.

Сразу же после этого она выехала в Нижний Новгород, куда прибыла 22 января 1905 г. — за неделю до намеченного суда над мужем⁸. Однако суд не состоялся, и Колосовы вновь включились в революционное движение ПСР.

В начале августа того же 1905 г. Валентина Павловна в качестве связной между боевиками участвовала в подготовке и проведении съезда Боевой организации эсеров с участием всей её верхушки (Е.Ф. Азеф, Б.В. Савинков, Л.И. Зильберберг). После этого во избежание ареста она уехала в столицу, а уже в сентябре — в Москву, где поначалу приступила к работе в крестьянской комиссии при ЦК ПСР, а в декабре, по рекомендации руководителя Боевой организации ПСР Е.Ф. Азефа, начала обучаться изготовлению взрывных устройств. Динамитная мастерская была оборудована на даче у г. Териоки (ныне г. Зеленогорск близ северной столицы)⁹. Отсюда она возила динамит и компоненты взрывного устройства в разобранном виде в Москву и Санкт-Петербург, где производила окончательный монтаж и передавала орудие убийства металличникам.

18 июля 1906 г. Валентина Павловна родила сына, названного по семейной традиции Колосовых Евгением. По совпадению в тот же день её муж сбежал из больницы Саратовской губернской тюрьмы. Через три месяца отец смог увидеть сына: в октябре 1906 г. он приехал в Иматру (Финляндия) на съезд Совета ПСР, там же в динамитной мастерской работала В.П. Попова.

Вторая половина 1906 г. и первая половина 1907 г. была наполнена активной работой Валентины Павловны в боевой организации, связанной с подготовкой терактов против премьер-министра П.А. Столыпина, столичного градоначальника фон дер Лауница, великого князя Николая Николаевича. Она готовила взрывные устройства, передавала оружие, наблюдала за объектами покушения.

Е.Е. Колосов, Я.А. Яковлев

Осенью 1907 г. она с сыном эмигрировала к мужу во Францию.

В нач. 1909 г. Колосовы переселились в местечко Кави ди Лаванья (Италия), где 2 сентября 1909 г. родилась дочь Елена.

После начала Первой мировой войны Е.Е. Колосов и В.П. Попова прими-
нули к «оборонцам». Логическим следствием этого стало их намерение вернуться в тяжёлый для России час на родину, однако 28 января 1916 г. при пересечении российско-шведской границы они были арестованы. Причиной стал приговор 10-летней давности, согласно которому Евгений Евгеньевич должен был отбыть ссылку в Туруханском крае. При аресте Валентина Павловна была оформлена как гражданская жена. В Санкт-Петербурге, куда они были доставлены после ареста, она взяла фамилию мужа.

Осенью 1916 г. В.П. Колосова с детьми переехала в Красноярск, где с мая находился в ссылке Евгений Евгеньевич.

После февраля 1917 г. В.П. Колосова работала секретарём газеты местных социалистов-революционеров «Наш голос». С началом Гражданской войны политическая деятельность Валентины Павловны, на руках у которой остались двое детей, пошла на спад.

В начале января 1920 г. она выехала в Москву, а оттуда в Омск, где и была арестована только-только утвердившейся советской властью. Вскоре вместе с мужем, который тоже был взят под стражу в Омске по дороге из Томска в Москву, они были освобождены

После этого 2 года Колосовы жили в Омске. Валентина Павловна работала на курорте «Карабчи».

В нач. 1922 г. они переехали в Петроград.

И в дальнейшем весь их крестный путь уже по советскому периоду нашей истории, за исключением всего лишь трёх лет, был общим: 1925—1928 гг. — Верхнеуральский политический изолятор, 1933—1935 гг. — Сузdalский политический изолятор, 1935—1937 гг. — ссылка в Тобольск. Шестого февраля 1937 г. Евгений Евгеньевич и Валентина Павловна Колосовы были арестованы и помещены в городскую тюрьму Тобольска, а 12 августа того же страшного года по приговору тройки при управлении НКВД по Омской области — расстреляны¹⁰.

Реабилитированы оба в 1994 г.¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горбунов М. [Колосов Е.Е.] В.И. Ленин в Красноярске // Былое. 1924. № 25. С. 119—127.

² Мешалкин П.О. Одержимые: О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX—XX вв. Красноярск, 1998. С. 152.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 253. Оп. 10. Д. 45. Л. 108 (об.).

⁴ Попова В.П. Динамитные мастерские 1906—1907 гг. и провокатор Азеф // Каторга и ссылка. 1927. № 5. С. 47—48.

Стефан Соммье: невостребованное наследие ...

⁵ Хроника обысков и арестов // Революционная Россия. 1903. № 26. С. 20.

⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 886. Л. 19; Ф. 1280. Оп. 1. Д. 903. Л. 2—2 (об.).

⁷ Российский государственный исторический архив. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 910. Л. 102-а.

⁸ Забурдаев Н.А. Студент, Курсистка и другие: Из истории революционного движения в Нижнем Новгороде // Записки краеведов. Нижний Новгород, 1991. Вып. 9. С. 32—33.

⁹ Попова В.П. Динамитные мастерские 1906—1907 гг. и провокатор Азеф // Каторга и ссылка. 1927. № 4 (С. 53—66), 5 (С. 47—64), 6 (С. 54—67).

¹⁰ Свидетельство о смерти Колосовой Валентины Павловны 12.08.1937, в Тобольске. ЗАГС Тобольска. 25.10.1994.; Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область) / Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 272, 435, 437.

¹¹ Справки о реабилитации, выданные прокуратурой Тюменской области на гр-ку Колосову Валентину Павловну. № 13-2-94 от 02.03.1994.

